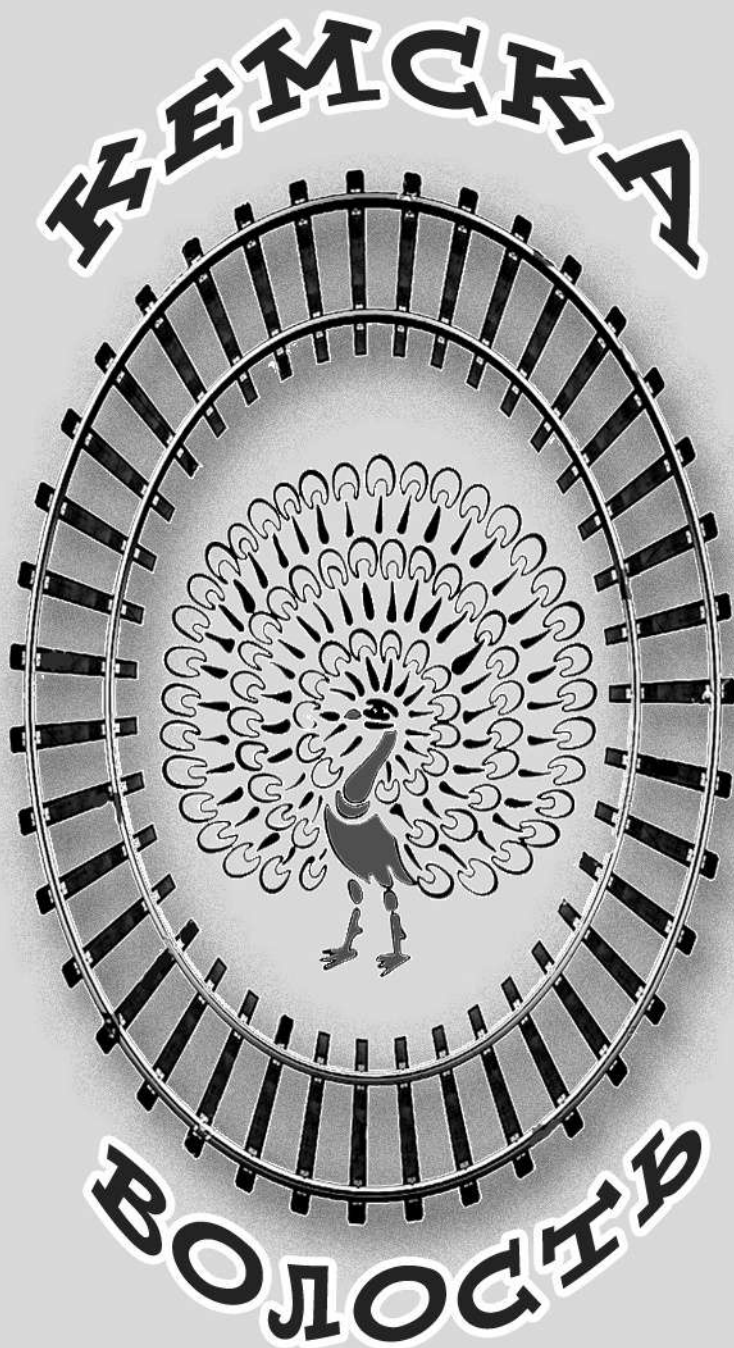

Дмитрий
ДАРИН

г. Москва

рассказ

Откуда повелось название «лабух» для ресторанного музыканта, точно никто не знает. Кто-то считает, что от цыганского «габан» — «пойте». Кто-то думает, что от псковского «лабу-та», что означает бестолковый ротозей, никчемный халтурщик. А может, от двух смыслов сразу.

Толя Шагин, да и никто, игравших с ним в ресторане с пернатым названием «Чайка» города Беломорска, тоже не знал и даже не задумывался над этим. Лабух и есть лабух. Но Анатолий был лабухом экстра-класса. Играл почти на всех инструментах, разве что окромя духовых. А когда брал в руки гитару — в своей компании, конечно, не на работе, — то за столом никто не шевелился. Пел Толик еще лучше, чем играл, и тоже по-своему, своим особым манером. Голос, от природы сильный, не выпячивал, но как-то неуловимо выражал ту самую, единственно верную интонацию, исходящую из песенного слова, особенно грустного, так любимого на Руси. В такие минуты редкая женщина не смахивала слезу или даже, не смущаясь, прижимала скомканным платочком совсем намокшие глаза. Никому бы в голову не пришло назвать его в такой момент «лабухом», Толян вполне тянул на полубога.

Не то чтобы он пользовался своим искусством, но нужды в женской ласке не испытывал и был с дамами неумолимо нежен. Тем более к своим годам удержался холостым по принципу — никогда не рано поздно жениться.

Взял гитару в руки Толя и сегодня, на дне рождения коллеги по ресторанному песнопению. Все были уже солидные мужики, за сорок, только имениннику, басисту Володе, стукнуло тридцать восемь. Играл он неплохо, даже хорошо, но как-то не так. Как-то неправильно, свысока, что ли... Казалось, он не играл, а цедил звуки, как цедят презрительные слова через оттопыренную губу. Публику басист Володя искренне презирал, особенно тех из неё, кто совал им мятые пятерки и десятки — как говорили в советские времена, «вбухивал в оркестр». Бывают такие музыканты, да и вообще творческие люди, про которых правильно было бы сказать, что Бог не наделил, а плюнул в них талантом. Но играл он хоть и без вдохновения, но правильно, на совесть. Правда, совесть его была спесива, но уж ладно. Да и приходил на работу всегда вовремя. Себя ждать не заставлял и никого не подводил. Поэто-

му пиром в его честь никто не побрезговал.

Компания с разрешения метрдотеля осталась после закрытия в том же ресторане; продуктов с кухни было навалом, спиртного тоже.

Кроме пары официанток и буфетчицы, за стол залетело еще несколько девушек — пассий оркестрантов и подруг пассий самого разного калибра, возраста и расцветки. Непонятно откуда затесалась даже узбечка с заплетенными тугими косами-жгутами, спадавшими из-под тюрбетейки. Говоря проще, к глубокой ночи баб уже было навалом, и все рыдали — Толя пел про трагическую любовь. Одна девушка нравилась ему особо — именно на неё он поднимал свои голубые, с веселой лукавинкой, глаза от струн, по которым бежали его искусные пальцы.

Девушку звали Тоня, она пришла, кажется, с ударником Стёпой. Или к Стёпе, но это было уже не важно, потому что уходить она твёрдо решила с Толей. Худосочному Степану, захмелевшему раньше всех, было всё равно, а Толян Тонину симпатию чувствовал и выдыхал слова только в её сторону. Песня за песней, рюмка за рюмкой, пространство между музыкантом и новой музой неизбежно сокращалось, и к расцвету захмелевшая Тоня уже сидела у Толика на коленках.

— Антонина! — строго и вместе с тем ласково вопрошал Толян. — Откуда ты всё-таки родом? Я вот из Бердянска.

— Где это? — в десятый раз спрашивала немного отупевшая от водки Антонина.

— Махно знаешь?

— Махно? Какого Махно?

— Того самого. Что с Гуляй-Поля.

— Ага, — кивала на всё согласная Тоня, — знаю!

— Вот это недалеко. А ты местная?

Антонина обвила Толяна за шею:

— Да нет.

— Не понял, Тонечка. Да или нет?

— Ну, я недалеко отсюда. Тут работаю только.

И всё было бы хорошо, за исключением того, что не произошло бы этой истории, а значит, и не было бы этого рассказа, удовольствуйся Толик тем уклончивым ответом. Но он бывал упорным до упрямства. А может быть, не знал, чем заполнить неизбежную паузу между душевными и плотскими утехами.

Так или иначе, Толян переспросил:

— Так откудова — оттудова?

Антонина взъерошила ему волосы, икнула и игриво ответила:

— А я с Кеми. Кемь знаешь? Кемска волость, как в том фильме.

— Йа, йа, Кемска волость, — подтвердил Толян знание то ли фильма, то ли географии. — Как не знать! У меня там вообще родственники.

— Не может быть! Мы что, земляки, можно сказать? — приятно удивилась муза.

— Вот те крест! — божился Анатолий под недоуменные взгляды коллег-лабухов: они слышали про это впервые.

С чего Толя брякнул про родню, которой у него отродясь не было в тех краях, он и сам не знал. Наверное, чтобы завоевать окончательно Антонинино доверие. Приём оказался эффективным, но, как выяснилось позже, с неожиданной стороны. В любом хорошем русском застолье наступает момент, называющийся «добрый самогон был, все под столом — ни выпить, ни побиться не с кем».

Ну, в тот день, положим, никто под стол не падал, даже мордой — в классический оливье, даже Степан, но люди начали теряться. И одной из первых пропала ветреная Антонина. Как Толян не усмотрел, непонятно. Одно из двух — либо давно не брал в руки гитару, либо не брал в руки Тонину талию. Но, как уже известно, Анатолий был типом упорным. С расцветом, захватив на случай встречи с превосходящими силами соперника друзей-лабухов, опричь¹ храпевшего за столом ударника, он отправился по просыпающемуся Беломорску на поиски коварной музыки. В светлой майской ночи соперника с похищенной «добычей» тем не менее нигде не было видно, и ноги как-то сами собой принесли компанию на вокзал.

Вокзал в России больше чем вокзал — знает каждый бывалый человек. Кому-то это место разлуки — иногда горькой, со слезами в три ручья, с бегом по перрону, с заглядыванием в мутное окно, откуда смотрят печально увозимые в бескрайние просторы родные глаза. Для других — место радостного и нетерпеливого ожидания с топтанием с ноги на ногу на том же перроне в

¹ Опричь — кроме.

лютый мороз, когда поезд опаздывает. Стоит такой человек в скромном пальтишке, в штиблетах на тонкой подошве, никак не рассчитанных на срыв графика движения, хлопает себя под мышками, а в зал ожидания почему-то не идет. А потому не идет — хочет дорогого себе пассажира прямо у вагона встретить, чтобы приятно тому сделалось, чтобы сразу увидел, а не вытягивал шею, выйдя из вагона со смутным подозрением — неужто не встречают? А для иных вокзал и вовсе пристанище хоть на одну ночь. И совсем не обязательно, что бомж какой. Может, домой никак нельзя по сердечной обиде, а друг не принял переночевать из-за сварливой жены. Мучается бедолага, проклинает всё и вся, а потом, глядишь, ближе к рассвету и в себе вину искать начинает. Бывает и так, что просто выпить надо в неурочный час, а где ж тогда, если не в буфете или ресторане привокзальном? Знает, знает русский человек, что не совсем обычное это место — вокзал. Всегда тут люди, всегда движение какое-то. И поезда, как люди, всё отбывают куда-то, всё прибывают, текут дождевыми струйками по всему неровному «телу» России, где иногда ночью на протяжении многих вёрст и иного света не видно, кроме как из окон вагонных. Вся скоротечность бытия здесь проявляется, и всякий, пусть даже и без билета, а по какой другой причине на вокзале оказавшийся, уже лучше понимает, что он в жизни пассажир, не больше. И где его конечная станция, скоро ли слазить навсегда — один Бог ведает. И хоть ворья всё больше становится, так что за бумажником постоянно приглядывать желательно, и милиция вокзальная особый нехороший прищур имеет, и казенным духом веет от сквозняков, а всё-таки вокзал — приют души, пусть и временный. А решишься на что-то — так вот касса, бери билет в любую сторону, бери билет... билет... билет...

— ...Билет, гражданин! — Анатолий с трудом оторвал голову от локтя, послужившего ему, видимо, подушкой.

На него недобро смотрела тётка в железнодорожной форме.

— Билет... сейчас... билет, значит... — Толян с трудом рассмотрел обстановку: он лежал один в купе на нижней полке — в одежде, в ботинках и без всякого постельного белья. — Какой билет? Куда билет?

— Во надрался-то! Не знаете, куда едете, гражданин?

— А я... это... еду?

Толя тряхнул головой — виски тотчас заломило — и, морщась, глянул в окно. Назад неслись чахлые березы и серый невзрачный кустарник.

— Действительно, еду. А куда?

Проводница фыркнула.

— Ищите билет. Ваши друзья его вам куда-то сунули, когда провожали. Я подойду скоро.

— Друзья?.. меня?.. провожали?.. — спросил Толян сам себя.

Постепенные мозговые волны вынесли на берег памяти светлый образ Антонины и мутный лик басиста Володи. Другие лица смешивались пока в темном потоке похмелья и явственно не различались.

— Но, чёрт меня дери, куда я еду? К Тоньке, что ли? А зачем? И где она сама тогда? И билет мой где? Хотя какой к собакам билет, я же никуда не собирался! Мне ж играть сегодня! Что, ёттыть, происходит-то?

Пребывая в крайнем недоумении, Толян, кряхтя, поднялся с жёсткого ложа и выглянул в коридор. Коридорное «ушелье» было пусто, только в конце, у туалета, ждала своей очереди какая-то женщина в узбекском халате. Толя протёр глаза — что-то в её облике показалось знакомым.

Качаясь, но не в такт с поездом, отдельно, он подошёл наконец-то к туалету. Как только Толян собрался спросить узбечку, знает ли она Антонину или на худой конец — его самого, дверь туалета открылась, выпустив по-русски широкую деваху лет двадцати семи — тридцати. Тощая узбечка улейкой шмыгнула внутрь.

Деваха, дородной стати, словно купчиха с полотно Кустодиева, с большими коровьими глазами на каравайном лице и налитыми пудовыми грудями, спросила неожиданно тонким голосом:

— Извините ради бога. Буфет не работает, а сигареты кончились. У вас не найдётся?

Толян снова полез по карманам. Мятая полупустая пачка сигарет, в отличие от билета, нашлась. В ней же лежала и зажигалка. Пропустив «купчиху» вперёд в тамбур, Анатолий поднёс огонёк даме и с особым похмельным наслаждением затянулся сам. Прелесть первой сигареты отчасти вернула весёлое настроение.

— А вот не пойми неправильно, — выкать Толе было не по самоочувствию, — хочу спросить.... чтобы удостовериться, так сказать...

— Меня Авдотья зовут, — просто сказала «купчиха».

— Не, я не про то... Вернее, очень приятно, Анатолий...

— И мне приятно, — Авдотья улыбнулась во всё сдобное лицо, отчего на «каравае» образовались лунки — ямочки.

Толя еле оторвал взгляд от этих румяных ямочек. Авдотья смотрела с тихой лаской, вытесняя из ненадежной Толиной памяти былой образ Антонины.

— Трубы горят, небось, А-на-то-лий? — не переставая улыбаться, нараспев спросила «купчиха».

— Это да. Пивка бы, конечно, не помешало бы.

— Ну, ладно. Повезло тебе. Я тут в спецбуфете работаю. Приедем в Кемь скоро, так и быть, — открою. Угощу хорошим портвейном.

— Как — в Кемь?! — Толян чуть не выронил сигарету. — Какая Кемь?

— Как это — какая? Обычная. Я там живу.

Толя ещё не успел осмыслить услышанное, как в тамбур вошла давешняя узбечка.

— Привет, Толик! Как едет? Родня встречает?

В памяти солнечным зайчиком что-то блеснуло. Ну, конечно! Вчера эта узбечка была у них на Володькином банкете, будь он неладен. И Володька, и банкет. Как её звали-то? Его-то она запомнила. Мули... пули... хули... гули-гули... А, Гуля!

— Не уверен... Гуля, — осторожно ответил Толя.

— Гулечка всю дорогу мне рассказывала, как ты на гитаре играешь классно, — сказала Авдотья.

— И поёт! — добавила узбекская подруга.

— Да! Споёшь для меня, как приедем, А-на-то-лий? — «купчиха» снова расцвела в улыбке.

Похоже, банкет вчера не закончился, а просто переносился в другое географическое пространство.

— Так... гитары-то нет. А где гитара, кстати? Гуля, не помнишь, я с гитарой садился?

Узбечка усмехнулась:

— «Садился» — это громко сказано! Скорее, тебя в поезд внесли.

— Да? А кто?

Спрашивать — зачем внесли? — не было никакого смысла.

— Твои друзья. И именинник больше всех старался. Ты, кстати, его подъездыкнул... послал, сам понимаешь куда. В эротическое путешествие в один конец. Сквозь сон, но четко. Ты что, не помнишь ничего?

Авдотья осадила подругу:

— Ну что ты пристала к маэстро! Поправится малость — и вспомнит. Да, А-на-то-лий?

Поезд немного шатнуло, Толя оказался лицом на грудных Дусиных «подушках». Авдотья отклоняться не стала.

— А гитару мы тебе в Кеми найдем. Это не проблема. — Авдотья успела использовать краткий миг соприкосновения и погладила Толю по шевелюре.

Банкет не просто не прекращался, но и обещал чувственное продолжение.

— А чего послал? — Поезд шатнуло в другую сторону, и Толик отлепился от купчихи.

— Уж не знаю. Сказал только, что среди твоей кемской родни таких козлов нет.

Толя затушил сигарету о тамбурную пепельницу. Авдотья была права: вспоминать вчерашние детали до поправки здоровья было бессмысленно.

Дверь в тамбур открылась — явилась проводница с лицом ещё более унылым:

— Так что с билетом, гражданин?

— Алёна! Если человек не помнит, как он оказался в поезде, как он может вспомнить за билет? — Оказалось, Авдотья была знакома с проводницей коротко.

— Порядок есть порядок. Безбилетный пассажир...

— Да ладно тебе. Не мучь человека. Это ты должна знать, как он к тебе без билета попал.

— Всё — Манька, — заворчала Алёна. — Она на вагоне в Беломорске стояла. Да сошла в Мягреке — бригадир отпустил. По семейным обстоятельствам, грит. А я вот думаю, у них с бригадиром «обстоятельства»...

— У Маньки?! — воскликнула Авдотья. — Да у нее с каждым вторым «обстоятельства». Не бери в голову, Палыч на неё не позарится.

— Да чегой-то изнадеялась я, девки... — призналась Алёна.

Пока дамы обсуждали Манькины перспективы в отношении бригадира Палыча, на которого, как явствовало, положила глаз и сама хмурая Алёна, Толик сочувственно кивал. Кивал и соображал, как успеть вернуться к сегодняшнему вечеру на место работы, то бишь в ресторан «Чайка». Авдотья через свое милосердие могла стать серьезным препятствием. И какого черта его потянуло в эту Кемь? В этой связи в памяти вспыхивало только «Йа, йа, Кемска волость!». Смертельно захотелось обещанного портвейна. Толя затянулся следующей сигаретой:

— Извините. А мы когда прибываем?

Алёна смерила Толю взглядом, но не как пассажира, а как нового хахаля подруги Авдотьи:

— Через полтора часа, болезный.

Анатолий вскинул левую руку — часов не было. Вроде вчера были, а сейчас вот нет. Но точно Толян вспомнить не мог, да и морщить лоб было больно.

— А сейчас сколько?

— А сейчас девять утра, А-на-то-лий! — пропела Авдотья.

— Ага. А обратный поезд когда? — спросил он.

И узбечка, и проводница взглянули на Авдотью с немым вопросом.

— Да что тебе об обратном поезде-то думать? Никуда твой обратный поезд не денется. Ты еще на этом-то не доехал, А-на-то-лий!

Толян затянулся поглубже. На него явно строили планы, причем планы коварные, с манком в виде спецбуфета. Но, как сказал классик, из двух зол надо выбирать то, что больше нравится. «Ничего, выпью стакан-два и отвалю. Отбрехаюсь как-нибудь, не впервой», — сделал выбор Толян и поднял тихие глаза:

— Твоя правда, Дуся! Не будем торопиться.

Авдотья расплылась во весь свой «каравай»: добыча уже билась в сетях.

До Кеми доехали точно по расписанию. Чай, принесенный подобрешей проводницей, особо не помог. Толян уже весь измаялся, но наконец-то показался залузганный перрон.

«Действительно, Кемь. — Толя проводил глазами табличку на перроне. — Бывает же такое...»

Узбечка Гуля быстро простилась и пошла вперед быстрым шагом. Анатолий по-джентльменски взял баул своей новой необъятной подруги и пошел за ней навстречу року.

Авдотья не соврала: спецбуфет, вернее, спецмагазин, действительно был. И недалеко от вокзала — поклажа не успела оттянуть Толины музыкальные пальцы. И ключи «от рая» были у нее. «Часы работы: 12⁰⁰ — 21⁰⁰. Выходные — суббота, воскресенье». «А ведь сегодня, кажется, воскресенье. Нет, точно, у Вовки в субботу гуляли. Или в пятницу?» — соображал Толян. Но по-любому выходило, что Авдотья открывала свой «сезам» исключительно для него. Этот факт превращал подозрения насчет Дуниных намерений в опасную реальность. Толя остановился на пороге, глубоко вздохнул и вошел внутрь.

— Располагайся, — неопределенно махнула мощной дланью Авдотья, уходя куда-то за прилавок.

Толян огляделся — присесть было некуда, разве на подоконник. Но не успел он «расположиться», раздался зов:

— А-на-то-лий! Иди сюда!

Толя пошел на голос и, чуть не разбив лоб о низкую притолоку, открыл дверь в подсобку. Открыл и замер. На ящике из-под бутылок среди густо заставленных всяким алкоголем полок, положив ногу на ногу, сидела полуобнаженная рубенсовская Венера. Две огромные дыни закрывали почти весь живот, вздернутая юбка обнажала мощные ляжки, похожие на огромные окорока. На пыльном полу стояли открытая бутылка белого марочного портвейна «Крымский» (это Толян отметил автоматически) и два мутных граненых стакана. Венера наклонилась, так что груди чуть не коснулись пола, взяла бутылку и протянула Толяну.

— Ну что же ты? Робкий какой! Сначала выпьем или опосля?

— Погоди... одну минуточку. Сейчас. Забыл. Сейчас. — Толян подтверждающе кивнул, осторожно прикрыл дверь и как ошпаренный вылетел из магазина.

На шаг он перешел только минут через десять. Анатолий на всякий случай оглянулся. Хотя какая погоня в таком виде?..

«Да... дела, — думал он. — Этак она бы меня там задавила. Авдоха, едись без вдоха. Выпить — оно конечно. Но пропадать за портвейн... — он pokrutil головой, представив на секунду, как купчиха утулила бы его в этой подсобке.

Толян остановился и оглянулся. Обстанов-

ка была совершенно незнакомой. Он явно ринулся в противоположную сторону от вокзала. Улица, посреди которой стоял, носила название «Коммунистический тупик». На обшарпанной стене напротив, над темной, наверное, еще дореволюционной дверью, висела надпись «Рюмочна». Буквы «Я» не хватало. Видать, осталась где-то в старом режиме.

«Я точно в тупике», — вздохнул Толян, подходя к двери.

Несмотря на утренний час, рюмочная работала. Видимо, только открылась — внутри никого из посетителей не было. За буфетной стойкой стояла живописная старуха в очках. Стекла были с такими диоптриями, что напоминали донья от бутылок. Старуха жевала в губах «Беломор» — сизый дым антисанитарно вился в закопченный потолок.

— Извините, — прокашлялся Анатолий, — я чего-то заплутал малёхо. Не подскажете, к вокзалу как пройти?

Старуха медленно оглядела посетителя с ботинок до головы. Толя почувствовал себя как на медосмотре.

— Заказывать что будешь, сынок? — будто не слышала вопроса старуха.

Толян вспомнил, что здоровье после вчерашнего так и не поправлял. На лбу сразу выступила испарина и задрожали руки. Пошарив по карманам, Анатолий понял, что у него не только не было билета, но и денег. Ни на обратный билет, ни даже на рюмку «лекарства». Видимо, это состояние бездомной дворняги отразилось в его глазах, когда Толя криво улыбнулся продавщице. Старуха наклонилась под прилавок и достала початую бутылку водки.

— На! **они, а то не дойдешь! — через волжское «о» серьезно сказала старуха, не вынимая изо рта беломорины.

Толя запрокинул бутылку в горло. Горячая волна уняла дрожь в членах и в голове. Когда он отнял штуцер от губ, на прилавке стоял стакан морса, рядом лежала половина огромного огурца — солёного, как в сказке.

— Ох, благодарствуйте. — Толян вытер рукавом рот, не веря такой удаче.

— Ничего. Вокзал — пойдёшь до перекрестка, потом — направо. И так прямо и чеши. Уразумел, сынок?

Толя часто закивал с набитым ртом. Огурец напомнил ему, что он еще и ничего не ел.

— Ну и будь здоров. — Старуха блеснула бутылочными очками и прибрала почти пустую бутылку. Аудиенция была закончена.

Толя кивнул еще раз, отхлебнул морса, приложил руку к сердцу и так и отклонялся, не переставая жевать.

«Так, где вокзал, я понял. А как с вокзала уехать?» — размышлял Толян, покинув гостеприимный «Коммунистический тупик» и направляя стопы в указанном направлении уже не спеша, можно сказать, прогуливаясь. Сил после рюмочной прибавилось, все проблемы казались разрешимыми. В жизни любого музыканта бывали не только дни, а годы, когда денег не было совсем. И ничего, все как-то выживали. Но Анатолий был не в тех годах, чтобы совсем уж плыть по течению, как какая-нибудь щепка. Поэтому в прояснившейся голове, как на полусасвеченной фотопленке, начали проявляться варианты и комбинации. «Привет от Авдотьи проводнице передать и, так сказать, на старых связях?.. Чёрт его знает! Может, она растряндела уже подруге о моём позорном бегстве? Бабский язык, он же без костей. Поговорить с проводником-мужиком? Если в ресторан вернуться успею, — сегодня же вечером отдам ему с навару... В долг проехать, так сказать... Или пригласить проводника в ресторан за свой счет? Это уже не в долг, а услуга за услугу. — Одалживаться Толян не любил, потому что и так часто приходилось. — Но это зависит, когда поезд в Беломорск прибывает... если вообще сегодня на Беломорск что-то едет. Или позвонить этим раздолбаям, чтобы мне там билет купили, а я здесь возьму?.. Раз меня сюда отправили, духарики... На вокзале межгород же должен быть! Или не должен? А на что звонить — хоть рубль надо бы».

Толя остановился и снова пошарил по карманам — основательно. Нашлись лишь две слипшиеся пятикопеечные монеты. На квас хватало, на звонок — нет. Толян оглядел улов, расцепил пятаки и положил во внутренний карман пиджака — понадежней. И вдруг пальцы нащупали что-то осязаемое и весомое за подкладкой. Еще не веря удаче, Толя полез глубже, зацепил как следует и извлек... часы!

— Ну, слава богу! — Толян вытер вновь прос-

тупивший пот со лба, теперь теплый от радости — часы, да еще какие часы — «командирские», чего-то они уж точно стоили. На проезд хватило бы с лихвой.

Почему часы оказались не на руке, а в кармане, Анатолий углубляться не стал — наверное, из предосторожности снял, на автомате. Чтоб не увели на вокзале или в вагоне. Мастерство, как известно, не пропьешь. Толян поцеловал «Восток» в синий циферблат, нацепил на запястье и только после этого посмотрел на стрелки. Часы показывали начало первого. «Должен успеть!» — успокоил себя Анатолий и бодрым шагом двинулся к вокзалу.

План удался блестяще. Проводник поезда «Мурманск — Ленинград», следовавшего через Беломорск, взял залог. Толя прошел на указанное место, положил свернутый пиджак под голову, снял ботинки, вытянул ноги и моментально заснул. Сон был почти безмятежный, только иногда над ним склоняла свои колокольные груди Авдотья и, улыбаясь в ямочки, ласково спрашивала нараспев: «Портвейну налить, А-на-то-лий? Или опосля?» В эти минуты Толян стонал и переворачивался на другой бок. Соседи по купе — две тётки и бабка — качали головой и приглушали разговор, жалели. Бабка даже поправила в изголовье свалившийся было пиджак.

— Эх, намаялся-то, касатик, — сказала шепотом и покачала головой, — из-за любви, верно.

Вокзал Беломорска показался родным домом. Толян, разбуженный загодя проводником, ступил на перрон римским триумфатором, вернувшимся из Карфагена. Договорившись, когда подойти выкупить часы, Анатолий направился быстрым ходом в свой ресторан — время поджимало.

— Ба! Ты где был? — удивился Володя, уже расчехливший инструмент. — Мы тебя обыскались. Остальные музыканты покачали головами.

— Я где был?! Это вы куда меня отправили?! К ***** в Кемь! Какого рожна, спрашивается?!

— Так ты сам говорил...

— Да мало ли что я говорил?! Почему не проследили?! — от души орал Толя на коллег.

— Мы думали, ты до первой станции... — вяло отбивался басист.

— Ты не тем местом думаешь! Какая Кемь?! — разорялся Толян, не обращая внимания на первых посетителей.

Утихомирил его ударник Степан — молча подошел и протянул стакан водки. Анатолий проглотил содержимое залпом, махнул на музыкантов рукой и пошел на кухню — утолить зверский голод. Через пятнадцать минут он уже стоял на сцене с гитарой в руках и давал в зал драйв. Пел Анатолий в тот вечер особенно ярко, с надрывом, так что заработали они больше обычного. Вот что значит профессионал. И почему только название такое обидное — лабух?

□

Дмитрий Александрович ДАРИН

родился в 1964 году в Ленинграде.

Окончил МГИМО, доктор экономических наук.

Поэт, прозаик, публицист.

Автор более десяти книг.

Произведения переведены на арабский, испанский, французский, болгарский языки.

Лауреат Большой премии им. С. Есенина

«О Русь, взмахни крылами» (2005),

Международного фестиваля песни «Красная звезда» (2015, 2016),

литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2019),

премии «Имперская культура» им. Э. Володина (2021) и пр.

Член Союза писателей России,

Союза журналистов России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

